

ИЛЬЯ ИНИШЕВ

Феноменология как теория образа

Феноменология, как нам кажется, находится сегодня в состоянии глубокого кризиса, в котором тем не менее нет ничего драматичного. Скорее, напротив: отсутствие на сегодня какой-то одной доминирующей линии в «феноменологическом движении», к тому же давно утратившем былое влияние на европейской интеллектуальной сцене, предоставляет возможность для более свободного и, стало быть, более творческого освоения теоретического наследия феноменологической философии.

Одной из возможных тематических линий в рамках этой, уже наметившейся тенденции могла бы быть реализация эвристического потенциала феноменологии в области современной теории образа и философской эстетики. Главный тезис, который мы намереваемся отстаивать ниже, заключается в следующем: трансформация в дифференцированную теорию образа — это внутренне присущая феноменологии возможность ее дальнейшего развития.

Мы начнем с перечисления аргументов в пользу этого тезиса и далее перейдем к более детальному их рассмотрению. Эти аргументы можно расположить в виде последовательности, представляющей собой движение от внешнего основания к внутреннему, тесно связанному с логикой развития феноменологической философии.

1. Внешним основанием обращения феноменологии к проблематике образности может служить характерное для современности повсеместное присутствие образов. Современность зачастую характеризуется как эпоха доминирования зрительного опыта и более того — как эпоха «визуальной культуры». Этой характеристике отвечает наблюдаемое сегодня прогрессирующее насыщение окружающей социальной действительности разнообразными объектами-образами. Особенно с появлением цифровых изображений и каналов их дистрибуции (телевидение, Интернет, высокоскоростные интерфейсы) образы стали важным, даже неизбежным посредником между человеком и миром — как социальным, так и физическим. Сегодня они играют ключевую роль в науке и социальной комму-

никации. Разнообразные средства визуализации, такие как разного рода модели, символы, диаграммы, берут на себя в современных исследованиях не только функции вспомогательных иллюстраций, но и функцию генеративной среды. Они активно используются не только в дидактических целях — для облегчения трансляции знания, но и при его производстве. Что касается социальной коммуникации, образы здесь служат не только символами, но и источниками интерсубъективных смыслов, лишняя раз подтверждая свой статус генеративного, продуктивного медиума.

2. Отсюда проистекает второе — и уже не внешнее — основание для выдвижения вышеупомянутого тезиса. Речь идет об особом эвристическом потенциале феноменологической исследовательской стратегии в контексте современных философских и социально-теоретических дискуссий, развернувшихся вокруг образов. Этот эвристический потенциал в первую очередь связан с двумя важнейшими тематическими тенденциями в феноменологической философии, являющимися, с нашей точки зрения, «сквозными» для всей ее истории. Эти тенденции можно формально охарактеризовать, прибегнув к геометрическим метафорам. Одна из этих тенденций может быть охарактеризована как горизонтальная, другая — как вертикальная. Что касается горизонтального измерения тематического интереса феноменологии, то он состоит в формировании дифференцированного, или структурного, представления о феноменальной поверхности. Под феноменальной поверхностью — по меньшей мере, в ранней феноменологии — понимается содержание перцептивного (по преимуществу визуального) опыта. Вертикальное измерение — это измерение проблематики соотношения феноменальной поверхности и перцептивного акта; измерение взаимосвязи воспринимаемого и акта восприятия. Ввиду такой тематической ориентации феноменологических исследований вполне естественно ожидать от них результатов, значимых для решения вопроса о внутренней структуре образов и механизмах их разностороннего, в том числе политического, воздействия на воспринимающих.

3. Наконец, образные содержания и имагинативный опыт выполняли особую функцию в формировании самой феноменологии. Для Гуссерля, например, воображение составляет важную часть методического оснащения его рефлексивной феноменологии. Это касается не только так называемой эйдетической, но и трансцендентальной редукции. Первая основывается на «варьировании» перцептивных содержаний в воображении, вторая — пусть и неявно — опирается на модель образа как парадигму феноменологической философии. Кроме того, как проблематика, так и модель образа, соответственно, имагинативного опыта задают наиболее интересную перспективу для дальнейшего развития феноменологического проекта.

Эти аргументы, расположенные в обратном порядке, образуют этапы нижеследующих, детализирующих рассуждений.

1. Образность и начала феноменологии

Особое значение образа и имагинативного опыта для становления и последующего развития феноменологической философии находит свое отражение в обоих аспектах, являющихся основополагающими для феноменологической теории: (а) в аспекте предмета и (б) в аспекте метода.

а) Что касается аспекта предмета, то здесь не всегда явная и не всегда до конца осознаваемая парадигматическая функция образа дает о себе знать уже на уровне формулировки идеи феноменологии. Если попытаться обобщить различные версии этой формулировки, которые в конечном итоге представляют собой не что иное, как разнообразные редакции понимания основного предмета феноменологического исследования, то наиболее подходящим словом, на наш взгляд, окажется «феноменальность». Феноменальность (единственное число) в отличие от феноменов (множественное) заключает в себе структурное единство универсального и партикулярного. Она, с одной стороны, является — и в этом состоит аспект партикулярности, — а с другой стороны, в аспекте содержания она (в силу своей сингулярности) обладает характером целостности, или даже тотальности. К конститутивным характеристикам первичного (а это означает не сводимого ни к чему другому) феноменологического являющегося относится взаимосвязь и структурное единство того, что является, и того, в чем оно является. Выражение «структурное единство» здесь подразумевает прежде всего то, что являющееся — процесс явления и среда, в которой этот процесс осуществляется, — располагается на одном уровне или, говоря метафорически, образует элементы одной изобразительной плоскости. При этом изобразительную плоскость следует отличать от физической поверхности, которая в отличие от иконической плоскости ограничивается другими поверхностями. Иконическая плоскость не ограничивается ничем внешним. Если она и ограничивается, то не снаружи, а напротив, так сказать «изнутри», своими собственными элементами, обретая при этом специфическую глубину, или многомерность.

Соответственно, одним из наиболее значительных, хотя и косвенных (во всяком случае не признанных широким философским сообществом), достижений феноменологической философии является заложение основ для успешной критики «плоскостного», или «поверхностного», понимания феноменальности, характерного для философии Нового времени и естествознания. Как известно, эти выражения зачастую используются в форме устойчивой конструкции: «феноменальная поверхность», за которой, как правило, скрывается ее собственная основа. Феноменология же, напротив, отстаивает идею многомерности феноменальности, идею глубины и структурированности «феноменальной поверхности».

б) В аспекте метода феноменологии значение образности, на наш взгляд, до сих пор остается недооцененным. Это связано прежде всего с распро-

страненным пониманием феноменологического метода как описания, осуществляемого из перспективы одинокого наблюдателя. Вместе с тем более поздние версии понимания феноменологического метода (прежде всего феноменологически-герменевтические) характеризуют признание социально-исторических, или коммуникативных, предпосылок дескрипции. При этом речь идет не просто об абстрактной и сегодня всеми безоговорочно признаваемой социальной обусловленности познавательной деятельности. Такая обусловленность обладала бы характером генетического основания и была бы лишь в незначительной степени «операционализируемой» в методическом смысле. О такой обусловленности, несомненно, следует знать, и ее необходимо учитывать на этапе пропедевтики, но ее едва ли возможно сделать эксплицитной частью осуществляемых методических процедур или специально практикуемой методической установки. Речь идет о предпосылках, превращающих феноменологическую дескрипцию в разновидность коммуникативного опыта. Образные, или имагинативные, основания феноменологического метода как раз конкретизируют или даже воплощают такого рода социально-коммуникативные предпосылки, тем самым дополняя диахронический срез косвенной (формальной) исторически-социальной обусловленности дескриптивного метода синхроническим срезом «непосредственных» интерсубъективных содержаний. (Имплицитная) образность феноменологии при этом служит интегральным основанием, объединяя в единый комплекс различные аналитические плоскости, а именно истории, коммуникации и метода. Дескрипция в итоге оказывается родом освоения образных или образно структурированных (но отнюдь не воображаемых) содержаний, которые в себе самих заключают потенциал социальной интеграции, выступая ее наиболее эффективными (ибо минующими плоскость аргументации) посредниками.

Следует отметить наличие связи между предметным и методическим аспектами влияния фактора образности на феноменологию. Эта связь проистекает из той функции, которая присуща образности в контексте феноменологии – из функции медиума-посредника. Не только то или иное принципиальное понимание природы феномена, но и представление о феноменологическом опыте опирается на соответствующие, как правило, визуальные образы. Например, воображение определенной конфигурации, или диспозиции, опыта составляет неявную предпосылку феноменологической редукции. Кроме того, подтверждением особой методологической функции образных содержаний может служить широкое использование Гуссерлем метафор при формировании понятийного аппарата феноменологии. Метафорического происхождения, например, такие понятия, как поток сознания, горизонт, луч внимания и многие другие. В итоге обнаруживается связь между феноменальностью и образностью, от оценки которой, на наш взгляд, зависела и, возможно, зависит по сей день судьба феноменологии.

Поскольку же в методическом плане феноменология руководствуется идеей хотя и постепенной, но все же тотальной экспликации, переход от латентной опоры на имагинативные содержания и их эффекты к разработке теории образности следует рассматривать как следование внутренней логике самого феноменологического проекта. Иными словами, задача феноменологической дескрипции образа проистекает из имплицитной «образности» самого дескриптивного метода. В итоге образ способен (а возможно, и должен) выступить в роли парадигматического объекта феноменологической философии. Важной чертой образа в этой связи оказывается то, что он представляет собой своего рода интерфейс, обеспечивающий (феноменально удостоверяемый) переход между сферами внешнего и внутреннего, того, что является, и процесса явления, что также отвечает стратегическим задачам феноменологического исследования. С этой точки зрения то обстоятельство, что Гуссерль в своих феноменологических анализах был по преимуществу ориентирован на модель физической вещи, сыграло ключевую роль в судьбе его феноменологического проекта. Однако эта роль, на наш взгляд, была негативной. Ее негативность, как нам представляется, имеет три аспекта. Во-первых, Гуссерль игнорирует фактор образного измерения феноменологии как таковой. Во-вторых, он, по всей видимости, не признает имагинативных импликаций избранной им модели (пространственная вещь в качестве модели действует как образ со всеми вытекающими отсюда последствиями). И в-третьих, выбор пространственной вещи в качестве принципиальной модели феноменологической экспликации следует признать неудачным. Прежде всего ввиду того, что сам «содержательный» аспект этой модели мотивирует игнорирование имагинативного измерения, составляющего интегральный момент предмета и метода феноменологического исследования, и, как следствие, ведет (по выражению Хайдеггера) к «искажению феноменологических данных»¹.

Итак, из того, что выше было схематично изложено, как мы надеемся, следует, что феноменология с самого начала была на пути к разработке философской теории образа.

2. Феноменология образа (образ как объект и как ресурс феноменологии)

Этот вывод мы подкрепим рядом соображений, касающихся преимуществ, которые предоставляет феноменологии эксплицитная ориентация на модель двухмерного изображения.

1. Первое преимущество затрагивает ключевой для феноменологии вопрос о соотношении универсального и партикулярного, пространственного и предметного. Этот вопрос имеет особое значение ввиду

¹ *Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 17. Fr. a. M. Vittorio Klostermann, 1994. S. 270.*

характерного для феноменологии и вместе с тем с логической точки зрения парадоксального сочетания универсализма исследовательских притязаний и партикуляризма интуитивистской методологии. Исследуя принципиальные условия данности, или явленности чего бы то ни было, феноменология не может оставить без рассмотрения вопрос о «среде», в которой обнаруживаются ее специфические феномены; не может, фокусируясь в перцепции на чем-то отдельном, не «аппрезентировать» целого. Причем эта «аппрезентация» должна осуществляться на тех же, то есть не на дискурсивных, а на интуитивных, основаниях. Вышеупомянутая модель материальной вещи, используемая Гуссерлем в качестве основной парадигмы его феноменологических экспликаций, ведет к дискретизации поля феноменологических феноменов. В итоге «универсальное» обнаруживается иначе и на иных основаниях по сравнению с «партикулярным». Об этом свидетельствует, например, сосредоточенность рефлексивной феноменологии на формальных структурах предметности и перцептивного опыта. «Универсальное» феноменов рефлексивной феноменологии демонстрирует тенденцию к растворению в «формальном».

Двухмерное изображение, примером которого могут служить произведения станковой живописи, графика, фотография, экран монитора и многое другое, характеризуется как раз континуальностью в аспекте своего явления. При восприятии двухмерного образа мы сталкиваемся с примечательным и богатым на теоретические следствия феноменом двойного показывания и, соответственно, двойного видения. Восприятие того, что на изображении представлено, неотделимо от восприятия соответствующего образного пространства. Иными словами, в случае образа (и не только двухмерного) нацеленность восприятия на «нечто как нечто» неотделима от одновременного восприятия того, в чем это нечто себя обнаруживает. Строго говоря, восприятие иконической плоскости — это одно восприятие, которое в отличие от восприятия физических плоскостей не «схватывает», а, по выражению Вилема Флюссера, сканирует свой «предмет», не двигаясь последовательно от одной поверхности к другой, а пребывая в одной и той же, так сказать, «многомерной плоскости».

Выдвигая этот тезис, мы опираемся на обоснованное феноменологией различие трех ипостасей образного: (1) образ как материальный объект (*tabula*), (2) образ как изобразительная поверхность (*pictura*) и (3) образ как иконическая плоскость (*imago*), репрезентирующая образное «содержание» и неотделимая от него. Естественно, только два последних аспекта имеют значение при рассмотрении образа в качестве парадигмы феноменологической трактовки феномена и феноменальности. Специфическое отношение между ними не только парадигматически иллюстрирует, но и фактически воплощает феноменальную взаимосвязь универсального и партикулярного, пространственного и предметного, мира и вещи. Очевидно, что восприятие воплощенного в образе содержания возможно лишь при условии одновременного восприятия всех элемен-

тов (пикселей) изобразительной плоскости. При этом восприятие образа обладает трансформативным потенциалом: оно трансформирует изобразительную поверхность в иконическую плоскость.

2. Отсюда проистекает другое преимущество: возможность альтернативной экспозиции проблемы соотношения смыслового и физического.

Как объект образ характеризуется своего рода симульганизацией, выступающей в роли конститутивного принципа иконической плоскости в ее отличии от физической поверхности. Иконическую плоскость не следует понимать в качестве предмета, состоящего из бесконечно многих физических или квазифизических изолируемых элементов (пикселей). Чтобы иметь возможность воспринимать не просто физический предмет, а образ, необходимо одновременно схватывать в восприятии все графические элементы физической поверхности образа-объекта. Если это нам удастся, физическая поверхность превращается в иконическую плоскость, элементы которой воспринимаются хотя и одновременно, однако не изолированно. Иконическая плоскость становится своего рода генеративной средой: взаимоотношения ее элементов генерируют новые конфигурации, являющиеся сколь материальными, столь и смысловыми. Эта среда динамична. Ее динамика имеет два измерения: вертикальное и горизонтальное. Первое касается отношения образа как иконической плоскости и образа как изобразительной поверхности (а в конечном итоге и образа как физической вещи). Элементы образной поверхности (в рамках которой материальные компоненты выделены и имеют относительно самостоятельное значение) при восприятии перетекают в образную плоскость, но уже в модифицированной форме. Они перестают быть частями трехмерного физического пространства и становятся взаимосвязанными элементами специфически иконической среды. Физическая материальность превращается в медиальную. Метрические отношения трансформируются в грамматические, что также объясняет, почему в случае восприятия образа можно говорить хотя и не о вербальном, но все же об интерпретативном, или герменевтическом, опыте.

Своеобразие горизонтального измерения динамики образа проявляется среди прочего в нераздельности «объекта» и «фона» образного показывания. Образный объект может показывать себя только в пределах своего внутриобразного фона и вместе с ним. «Фигура» и «грунт» насыщают друг друга «символическими» энергиями, образуя из иконических элементов плотную семантическую ткань (собственно, текст).

Эта взаимозависимость смысла и медиума, превращающая феноменальность в спонтанное и тотальное событие, не может не оказывать влияния как на методическое, так и на тематическое самосознание феноменологии. С точки зрения проблематики образа задача феноменологического исследования состоит не в том, чтобы разыскивать «исходные данности» в интенциональном сознании. На передний план выходит

сама феноменальность, которая не столько следует определенным субъективным интенциям, сколько, напротив, вызывает и направляет избыток интенциональной активности (Ж.-Л. Марион).

3. Третий важный момент и третье преимущество связаны с тем, что в самом опыте восприятия образов заключена тенденция к преодолению дистанции между перцепцией и конституцией. Восприятие образов — это всегда колебание между двумя крайними позициями: пассивностью и активностью. С точки зрения феноменологии это универсальная черта любого опыта. Однако особенность восприятия образов заключается в том, что здесь эта черта становится (со) тематической. Здесь, по выражению Гуссерля, феноменологическая редукция происходит спонтанно. К тому же она происходит не в сознании и состоит не в сведении данностей мира к данностям сознания, а, напротив, в своего рода экстернализации и материализации пережитого и помысленного. Образы, будучи средой формирования intersубъективных смыслов, находятся не только вне сферы сознания, но, главное, они располагаются в повседневности, составляя ее интегральную часть. В этом отношении имагинативный опыт располагается где-то между повседневно-практическим и теоретико-трансцендентальным, выступая в роли агента трансцендентности в имманентном, то есть в повседневности.

В итоге «эффекты» возможной эксплицитной ориентации феноменологии на проблематику образности могли бы состоять в следующем.

Во-первых, удалось бы осуществить, на наш взгляд, продуктивное перемещение философии с вертикальной оси субъектно-объектного отношения на горизонтальную ось феноменальности как основной темы феноменологического анализа. Это бы поспособствовало переводу анализа в область конкретных повседневных феноменов, таких как различные проявления и формы образности — от изобразительного искусства и кинематографа до Интернета и наружной рекламы. На уровне терминологии эту метаморфозу мы бы предложили зафиксировать как смену ключевых понятий: вместо трансцендентальной конституции — «внутримирная» артикуляция как сеть повседневных практик смыслопорождения. Ее итогом могло оказаться то, что мы предложили бы назвать детрансцендентализацией феноменологии: преодоление или как минимум сокращение дистанции между феноменальным, то есть явлением, и трансцендентальным, или условиями его возможности. Во-вторых, специально осуществляемый феноменологический анализ образности мог бы взять на себя часть задач, связанных с самокритикой феноменологической философии, для которой, как было сказано выше, ее собственные имагинативные основания остаются не вполне прозрачными. В-третьих, помимо критического эффекта, можно надеяться и на конструктивный, который бы состоял прежде всего в отказе феноменологии от ее односторонне методологического самосознания ввиду признания иконической поверхности как автономной среды формирования смыс-

ла. С этой точки зрения феноменология — не только способ исследования образа, но и произвольный эффект восприятия образа.

3. Феноменология и микросоциология

В заключение мы лишь перечислим возможные направления, в которых проблематика феноменологии образа могла бы развиваться в дальнейшем и, развиваясь в которых, она могла бы внести заметный вклад в разработку микросоциологической проблематики (прежде всего проблематики теории действия).

1. Прежде всего феноменология образа (в единстве обоих смыслов этого выражения) способна оказать содействие либерализации современных представлений о действительности. Речь идет о проблематике соотношения образного и предметного, которую можно сформулировать в форме вопроса: за счет каких ресурсов образы способны осуществлять интервенцию в реальность и как они с ней взаимодействуют? Это направление возможных исследований можно назвать онтологией образности.

2. Другое направление гипотетических исследований — изучение того, как образы и образность воздействуют на повседневное самосознание субъекта. Это направление может быть охарактеризовано как критика образности в политике, экономике и других областях социальной жизни.

3. Исследования структурных особенностей изображений, способных производить подобное воздействие, могли бы составить грамматику образности.

4. И наконец, разнообразные практические взаимосвязи различных форм образности и повседневного жизненного мира способны составить тему прагматики образности, нацеленной помимо теоретических целей на апологию и интенсификацию содержаний «повседневных» опытов, не поддающихся артикуляции в рамках существующих институтов и форм.